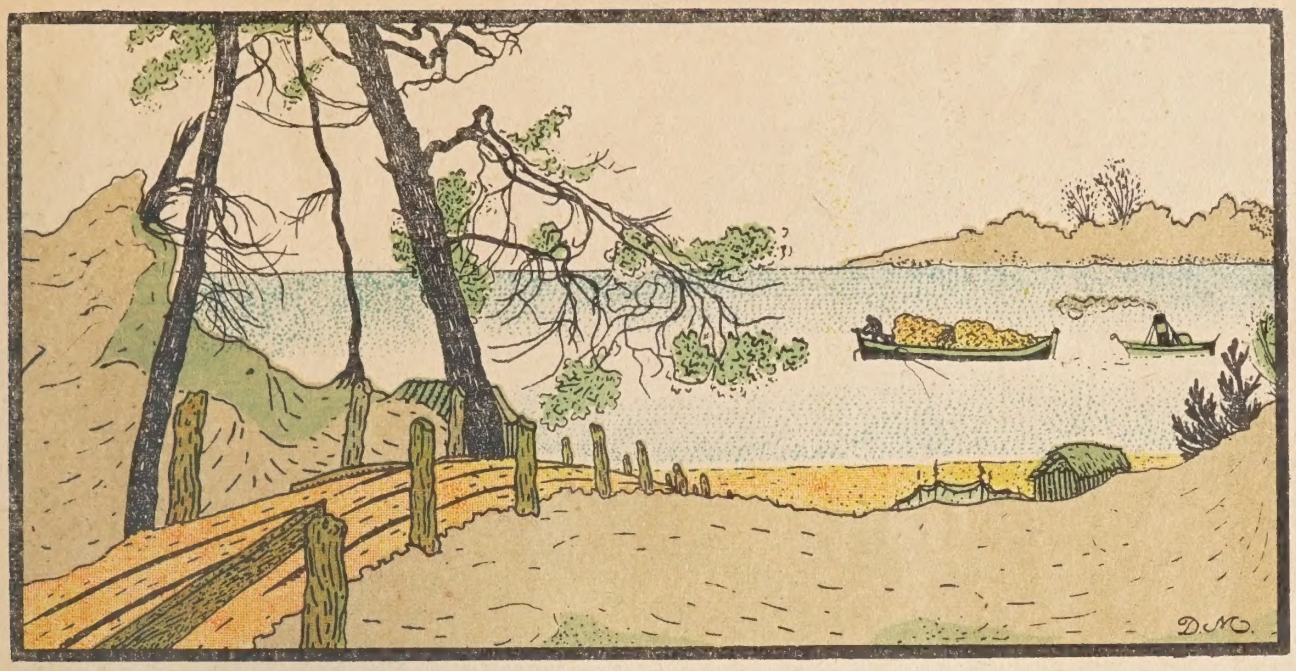
Р. ГУСТАФСОНЪ

БАРЖА

СКАЗКА

РИСУНКИ Д. МИТРОХИНА

ИЗД-ВО І. Н. КНЕБЕЛЬ. МОСКВА



БАРЖА

Долго плыли бокъ о бокъ нагруженная булыжникомъ баржа и тащившій ее буксирный пароходъ. Баржа была старая, большая, неуклюжая; пароходъ же только что выкрасили и онъ казался совсѣмъ новенькимъ.

Дулъ противный вѣтеръ и вести грузную баржу было очень тяжело.

— Ахъ, какъ печально всегда таскать за собою

баржу!—сказалъ, глубоко вздыхая, пароходъ.—Да еще такую неуклюжую, какъ ты. Иногда мнѣ хочется стукнуть тебя хорошенько, чтобы ты пошла ко дну.

Баржа ничего не отвѣтила.

— Да ты еще и нѣма, какъ рыба!—воскликнулъ сердито пароходъ.

— Ты, пожалуй, правъ, отвѣчала баржа.—Когда приходится такъ долго путешествовать вдвоемъ, надо чѣмъ-нибудь развлечься. Хочешь, я разскажу тебѣ, какъ я жила?

Это, должно быть, очень печально, ну, да все равно, разсказывай!

— Такъ слушай же! Это было много лѣтъ тому

ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ

назадъ. На крайнемъ сѣверѣ, у самаго берега морской бухты стояла я на стапели. Громадная толпа народа собралась посмотрѣть, какъ я спущусь въ море. Всѣ на моей палубѣ были одѣты по праздничному, оффиціанты приготовляли бокалы, изъ которыхъ гости должны были пить за мой благополучный спускъ. Никогда не забыть мнѣ той минуты, когда я впервые почувствовала, что двигаюсь; мнѣ казалось, что я лечу далеко, далеко въ какое-то безконечное пространство. Когда носъ мой погрузился въ воду, одинъ изъ инженеровъ, вскочивъ на палубу, крикнулъ въ рупоръ: Этотъ бригъ будетъ называться „Морскимъ орломъ“. Въ ту же минуту въ честь мою взвились

ТРОПИЧЕСКІЙ ЛѢСЪ

[illegible] крикнулъ въ рупоръ. Этотъ бригъ будетъ называться „Морскимъ орломъ". Въ ту же минуту въ честь моего [illegible]

флаги, вымпелы, раздались крики „ура", а я спокойно покачивалась на волнахъ, отражаясь въ прозрачной водѣ бухты.

Меня нагрузили разными товарами, и въ одинъ прекрасный день я вышла въ открытое море. Съ какимъ восторгомъ смотрѣла я, бывало, какъ изъ-за него вдругъ поднималось восходящее солнце, золотя сѣровато-голубыя волны. Нравился мнѣ и закатъ солнца, когда море окрашивалось въ пурпуровый цвѣтъ. А по ночамъ, когда на небѣ загорались миріады звѣздъ, я плыла точно очарованная.

Когда я переходила экваторъ, солнце стояло прямо надъ верхушками моихъ мачтъ. Мнѣ пришлось побывать въ далекихъ странахъ, гдѣ стройныя пальмы поднимали къ небу свои роскошныя вершины. Черные рабы таскали на мою палубу тяжелые ящики съ сахаромъ, и въ тихія ночи я слышала, какъ ящики

ИНДІЯ

разсказывали о сахарныхъ плантаціяхъ, на которыхъ работаютъ негры-невольники подъ наблюденіемъ жестокихъ надсмотрщиковъ.

—Я посѣтила острова Тихаго океана, гдѣ при моемъ приближеніи дикари сбѣгались на берагъ и съ громкими криками направляли свои стрѣлы въ моряковъ, управлявшихъ мною. Потомъ я побывала въ Индіи,—странѣ чудныхъ сказокъ; я любила слушать, когда товары разсказывали объ индійскихъ храмахъ, существующихъ уже нѣсколько тысячелѣтій, объ идолахъ, сдѣланныхъ изъ чистаго золота и украшенныхъ драгоцѣнными камнями, о священной рѣкѣ Гангѣ и торжествахъ на ней происходящихъ.

—Въ молодости я то летѣла на всѣхъ парусахъ, подгоняемая пассатами, то съ трудомъ прокладывала себѣ путь между плавучихъ льдинъ Ледовитаго океана. Во время этихъ путешествій

я испытала не мало поломокъ и поврежденій, но, благодаря прочности моего корпуса, я долго могла выдерживать, не нуждаясь въ серьезной починкѣ. Однако съ годами и я стала слабѣть, меня все рѣже отправляли въ дальнія плаванія, и наконецъ мнѣ пришлось только перевозить въ ближайшіе порты каменный уголь. Но вотъ разъ меня выбросило бурей на берегъ и острые камни пробили мою обшивку; тогда матросы обрубили у меня мачты и когда волненіе улеглось, меня отвели въ гавань. Тамъ меня осмотрѣли и нашли, что я больше не гожусь для морского плаванія.

—Тогда меня продали твоему хозяину и я превратилась въ простую баржу. И вотъ теперь мнѣ приходится плавать у тебя на буксирѣ, слушая твои жалобы на то, что я—самая неуклюжая баржа.

Пароходъ молчалъ, но съ тѣхъ поръ онъ готовъ былъ тащить это тяжело нагруженное судно сколько угодно, лишь бы только послушать его разсказы и ему казалось, что корпусъ еще сохранилъ изящную форму брига.

SPECIAL
92-B
11817